

КОНЦЕПЦИИ И СИСТЕМЫ

К. Зелинский

Духовно-нравственное
воспитание в школе:
возможности и ограничения.

19 – 27

Н. Коренистова

Зоны «духовного вакуума»
семейного воспитания
Как их ликвидировать
в условиях школы?

28 – 32

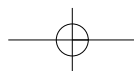
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

К. ЗЕЛИНСКИЙ

Тема содержания обучения и воспитания всегда волновала и будет волновать педагогическую теорию и практику. И тема эта тесно связана с вопросом об образовательном идеале.

Время «разбрасывать» и время «собирать камни»

Нельзя не согласиться с Виктором Ивановичем Слободчиковым в том, что доминирующее социотехническое, утилитарное понимание человека как особого рода ресурса явилось результатом целого ряда сдвигов и подмен в общественном сознании. Онтология «спасения души» сменилась онтологией «активизма и победительства — во что бы то ни стало» во всех сферах жизни. Изменились ориентиры личного самостроительства и развития: утрачивается ориентация на духовную аскетику и господствует ориентация на удовлетворение постоянно растущих (часто извращённых) потребностей. Понимание семьи как духовно-практического микрокосмоса сменилось идеологией поло-ролевых взаимоотно-

КОНЦЕПЦИИ И СИСТЕМЫ

шений. Кроме того, изменилось отношение к смерти: вместо трезвения и «Смертной памяти» утверждается беспамятство. Кстати, мы это наблюдаем уже на национально-государственном уровне, свидетельство тому — снос памятников.

Проблема пересмотра содержания воспитания лежит в контексте осмысления того, как реально преодолевать антропологический кризис. Сегодня школа переживает драму воспитания. Рассыпались на глазах многие идеалы и ценности. Ушли в прошлое октябрятско-пионерско-комсомольские традиции, о которых многие педагоги вспоминают с ностальгическим трепетом. В школу «без спросу» ворвались ценности глобального мира. Педагоги, что называется, не успели глазом моргнуть, как оказались перед проблемами клипового сознания детей, их стремления убежать от живой жизни в виртуальную реальность, жаргонно-примитивной речи, потребительского настроения, заражённости новыми типами страхов. Как воспитывать таких детей? Какие педагогические средства выбрать, чтобы противостоять мощнейшим «воспитывающим» системам социума, среди которых кино и телевидение, нередко пропагандирующие насилие и низменные чувства?

Необходимость пересмотра методологических основ воспитания

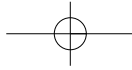
Нужен новый взгляд на саму сущность воспитания. Говоря об этом понятии, К.Д. Ушинский обращал внимание на необходимую «организмам всякого рода» способность к развитию посредством свойственной ему пищи, материальной или духовной. В этом смысле, вопрос о воспитании звучит как вопрос о достойном «кормлении» личности. В какой «пище» нуждается человек, чтобы становиться Человеком? Идея воспитания во все времена была связана с мыслью о том, чтобы человек становился лучше. Родители и педагоги хотят видеть своих детей воспитанными — духовно-нравственными, культурными, добрыми, мужественными, ответственными, справедливыми, красивыми, зрелыми личностями. И на пути к этим благородным целям они нарушают законы человеческой природы. Напичкивая детей установками, правилами, знаниями и заботясь только о развитии ума, забывают питать душу. И это приводит к тому, что дети предпочитают «здоровой еде» суррогаты. А взрослые недоумевают, почему те убегают от полезных советов в другой, искажённый, мир. Не понимают, почему их дети не видят преимуществ нравственных ценностей и здорового образа жизни. Они смотрят на детские проблемы со своей колокольни, забывая о той великой нужде, которую испытывает душа растущего человека. Это, прежде всего, нужда в любви и принятии.

Педагогическая практика школьного и семейного воспитания сегодня нуждается в обогащении новым содержанием. И стать таковым может гуманитарная культура как накопленный отдельными людьми и целыми нациями опыт «очеловечивания» человека. Он зафиксирован в самых разных материальных и духовных продуктах. Проблема лишь в том, чтобы эти продукты — мифы, истории, картины, книги, произведения музыки, предметы быта — были введены в само воспитательное пространство отношений педагога и детей. Это с одной стороны. А с другой — следует помнить, что дети создают собственную индивидуальную и коллективную культуру. Эта идея — пересоздания мира, сотворения себя в этом мире, то есть культуротворчество и составляет ядро гуманитарного воспитания. Заметим, что мы различаем воспитание как «подгонку» учащихся к определённому социальному идеалу и «гуманитарное» воспитание, которое учитывает сущностные силы ребёнка, то нравственное, что заложено в нём как в «Божьем создании» и которое должно развёртываться по особым внутренним законам.

[5 — 18]

Методология
воспитания

20

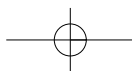
Воспитательный потенциал гуманитарной культуры, которая включает индивидуальные культуры всех участников образовательного процесса и создаётся в данном месте и в данное время, ещё недостаточно изучен. Ребёнок, принадлежащий к своей семье и к конкретному роду, вобрал в себя черты, ценности и смыслы семьи и рода. Ему ещё предстоит определиться, оценить по-пушкински свою родословную и воскликнуть, как поэт, «Я сам большой!». Но кто, если не педагог, поможет, глубже понять его формирующуюся культуру, выращиваемую на традициях и ценностях своего рода. В этом смысле педагогу не надо «ходить за три моря», чтобы принести, например, на школьный вечер, классный час или беседу какой-либо материал. Он всегда «под рукой» — это богатый опыт, всё то лучшее и интересное, что есть в каждой семье. Надо учить это видеть! Бабушкины рассказы или сама живая бабушка, а также семейные фотоальбомы, рассказы об интересных судьбах родственников, демонстрация семейных традиций, продукты деятельности взрослых и малышей — всё это становится частью содержания воспитания. Даже мамино старенькое платье или трость дедушки, или письмо старшего брата из армии могут оказаться «воспитательными приёмами», если они включены в процесс сотворения культуры, который носит, как я уже сказал, и индивидуальный, и коллективный характер.

В каждой семье свои устои, своя религия

В каждой семье по-своему понимают мир, жизнь, людей, вечные ценности. И важно не сравнивать, кто правильнее живёт и какому богу поклоняется. Педагог может помогать ребёнку осознавать своё место в семье, в школе, в мире и искать ту «религию», которая помогает ему становиться Человеком. Речь идёт о воспитании самой потребности в поиске, саморазвитии. Дети с раннего возраста усваивают некие правила и установки, касающиеся их конкретной предметно-функциональной жизни. Привыкнув к таким правилам и став взрослыми, они часто оказываются неспособными увидеть себя в более широких пространственно-временных измерениях, в контексте жизни не только тела, но и духа.

Сегодня, когда в войну идей втянуты страны, народы, религии и культуры, необходимо выйти на новый уровень осмысления проблемы человеческого сознания и человеческой духовности. Необходим более внимательный взгляд на религиозные традиции семьи и личности, которые есть форма, в которой человек создаёт свою связь с глубиной жизни и одновременно богатство и глубину своей собственной души.

Вдумаемся в те идеи, которые существуют, например, в православии (да и в других религиях). Бог — это Творчество и Любовь. Божественное начало во мне — это мои возможности творчества и способности изливать любовь (излучать свет). Вера есть духовная сила и ориентир человека по жизни. Учись прислушиваться к душе, которой нужна остановка (молитва, медитация, тишина). Смиряться перед неотвратимостью. Жертва — это необходимая «плата» человеческих приобретений. Сострадай ближнему («Возлюби ближнего своего, как самого себя»). Ищи жизнь вечную — некую таинственную суть, основу и смысл жизни. Всем сердцем своим причащайся к единству, к целостности бытия. Ищи Царства Небесного в себе, то есть ищи то душевное состояние как благодать, которая есть сама по себе награда для человека. Эти и другие идеи отражают философию мудрости, философию гуманно-гуманитарного отношения к жизни, целостного видения мира и подлинно-человеческого сосуществования. Знания,

КОНЦЕПЦИИ И СИСТЕМЫ

имеющиеся в нашей национальной культуре, можно рассматривать как воспитательные ценности. Это ценности жизни и смерти, единства и любви, переживания и благоговения перед чудом, свободы и творчества, смирения и сострадания.

Психологи признаются, что сегодня от педагогов требуют обеспечить «нормальное» развитие ребёнка, но в психологии до сих пор нет представления о норме развития. Психология многое знает об особенностях личности, но что делать с этими особенностями, педагоги и психологи плохо себе представляют. В нашей культуре накоплен богатейший опыт выращивания «человеческого» в человеке.

Необходима интеграция науки, культуры и духовных практик

Говоря о воспитании, педагог ориентируется на некий «конечный продукт», на идеальное воплощение цели. Кого воспитываем мы? Будущего гражданина своей страны? Хорошего семьянина? Личность, умеющую добиваться своих целей? Индивидуальность, умеющую раскрыть свой творческий потенциал? Добропорядочного человека? Эстета? Собеседника? Кого? А если просто — Человека, достойного своего «человеческого» звания?

Если осмыслить педагогику в аспекте гуманитарной («человечной») культуры, то можно увидеть, что учитель причастен к глубокой и неисчерпаемой тайне. Тайна — человек. «Царство Божие внутри вас есть». Значит, во мне бездна? Как её исчерпать?! Человек предстоит человеку, но и одновременно Богу (Абсолюту). Научиться видеть и понимать в каждом ребёнке этот таинственный богоподобный потенциал — в этом, по моему убеждению, состоит смысл душевно-духовного труда педагога.

Согласимся с Ш.А. Амонашвили, сказавшем, что «воспитание уже давно поглощено обучением, и, может быть, в скором времени нам придётся оплакивать его как без вести пропавшего». А.С. Макаренко предупреждал: «Не думайте, что вы воспитываете ребёнка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь и печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и врагами, как вы смеётесь, читаете газету — всё это имеет для ребёнка большое значение».

В «педагогике традиции» накоплен богатейший опыт достойной человека жизни. И это не просто знания-поучения, такие, например, как «возлюби ближнего как самого себя», а и примеры пути личности к умению «возлюбить».

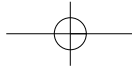
Один из таких примеров: учение созерцанию, с которого и начинается любовь человека к миру, к другому человеку, к себе, к жизни. Учить видеть и замечать жизнь вокруг себя — в этом заложен глубочайший смысл и важнейшая проблема воспитания. Можно сколько угодно придумывать и организовывать для детей грандиозные мероприятия, полагая, что они несут воспитательный эффект, но так и не добиться этого эффекта, потому что ребёнок не научился «видеть» и «слышать» то доброе, что ему предлагают другие. Даже доброе дело, если оно не «переживается» внутри, может тоже оказаться «для галочки». Или вообще оказаться в воспитательном значении со знаком минус — вспомним повесть Платонова: «Дом человек построит, а сам расстроится».

Традиционная школьная система воспитания с её мероприятиным подходом, превалированием словесных методов или навязанных детям дел «буксует». Педагогам-практикам нужны новые типы педагогического знания, новые принципы

[5 — 18]

Методология
воспитания

22

получения знания и отношения к нему. Важны ли сами по себе знания-сведения о духовных истинах? Они, как и всякая другая информация, — это всего лишь осколки, обрывки целостности. И вот об этой целостности мы забываем. Пора всерьёз думать о душе ребёнка, о проблеме педагогически целесообразной работы с этой душой. Речь не о введении новых форм воспитательных мероприятий, а о более глубоком понимании вещей, о первостепенном значении в педагогической практике процесса, а не результата. Иначе в погоне за результатом (успеваемостью и дисциплиной) учитель теряет из виду что-то подлинно необходимое в душевной жизни ребёнка. Зачастую важнее ответ в математической задаче, чем отношение ученика к собственному слову и действию, к процессу решения этой самой задачи.

Педагогам надо учиться «работать» с душой ребёнка

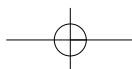
Это значит, что на первом месте на уроке должен быть не учебный предмет, а уникальность, внутренний мир конкретного ребёнка. Душевно-духовный потенциал есть в каждом уроке, в каждом учебном предмете. Взирая на вершину горы, мы порой не видим её основания, того, откуда начинается восхождение. В основании любого урока должно быть, прежде всего, благоговейное отношение к жизни, которая совершается здесь и сейчас. А это отношение возникает только тогда, когда человек начинает «слышать» и «видеть» мир, когда в нём открывается глубина мироощущения. Уметь любоваться красотой бабочек и цветов — это не так просто, как кажется на первый взгляд. Наши дети разучиваются ценить жизнь и благоговейно к ней относиться, потому что не умеют её слушать и видеть внутри себя и вокруг. Они стремятся *обладать*.

Урок из серии «нравственных бесед»

Приведу пример одного факультативного урока в начальной школе, который был посвящён взаимоотношениям людей. Мы начали его с попыток увидеть тайну нашей жизни.

- Здравствуйте, дети!
- Здравствуйте!
- Вы любите отгадывать тайны?
- Да.
- Тогда вот вам первая тайна. Что я сделал, когда вошёл в класс?
- Вы сказали: «Здравствуйте, дети»
- А что это значит?
- Это значит, что вы с нами поздоровались... Вы нас поприветствовали... Вы нам обрадовались...
- Да, но это не вся отгадка. Что же означают слова «здравствуйте, дети»?
- Это когда здороваются... рукижимают... Говорят «привет».
- Постойте, а разве я вам сказал «привет»? Я же сказал «здравствуйте».
- А так все учителя говорят.
- Верно. Но что это значит?

Молчание. Вижу по лицам: суть слова неизвестна. Начинаю рассказывать детям сказку про зайчонка, медвежонка, лисичку и волчонка. Зверята играли в разные игры. Наступил вечер. Пора прощаться. «До свидания, медвежонок», — сказала лисичка. «До свидания, медвежонок», — сказал волчонок. «Здравствуй, медвежонок», — сказал зайчишка. «Ты почему так сказал? — удивился медвежонок. — Это неправильно. Мы же прощаемся!» «Да, да. Мы прощаемся, но всё рав-

КОНЦЕПЦИИ И СИСТЕМЫ

но — здравствуй!» — ответил зайчик. «Но так не говорят, когда прощаются», — возразил медвежонок. И все стали поучать зайчишку. Тот же настаивает на своём: «Говорят. Спросите у своих мам». «Да не будем мы спрашивать. Мы и так знаем. Ты странный. Мы ведь прощаемся, а ты говоришь: привет». «Да не привет я говорю, а здравствуй. И это большая разница». Зверята начали спорить ещё сильнее...

«Как вы думаете, о чём спорят зверята?» — спрашиваю я детей. По их лицам вижу, что они напряжённо думают, переживая эту незатейливую сказку. Потом одна девочка робко подняла руку.

— Можно я скажу? Он, зайчик, всем здоровья пожелал!

Углубившись в смысл слова «здравствуйте», мы погрузились в огромное ценностное поле. На других уроках мы учились понимать и переживать в своём сознании смысл других слов, которые дети (и взрослые) в обычной жизни не замечают. На таких уроках дети накапливают опыт «душепостижения» и формирования духовного здоровья. А ещё мне важно «быть» с детьми в нашем общем одухотворённом поле со-бытия. И потому логичен, например, мой вопрос в начале урока о том, «кто здоровался сегодня с нашими ёлочками?», «Как чувствуют они себя?». Я заметил, что верхушка одной из ёлочек немного пожелтела. Не пора ли нам её полить? Эти ёлочки — часть нашей истории взаимоотношений. Мы вместе сажали их и вместе подбирали имя каждой из них. Они растут сейчас около школы прямо под окнами нашего класса. И эти ёлочки тоже часть нашей гуманитарной культуры — «ноосферы», которую мы создаём все вместе.

В школе сегодня нужна реальная практика формирования душевно-духовного здоровья. Не просто разговор об этом самом здоровье, а именно практика. Духовная жизнь — основная в человеке. И тут мало знать психические и физические сферы. Надо изучать духовные законы. Ступенькой к духовности, как говорят мудрецы, является правильно устроенная жизнь души, правильное эмоциональное устройство, которое потом приведёт к устойчивой, трезвой, жертвенной духовной жизни. Педагог должен ведать эти законы, по которым живёт душа. И тут следует ставить вопрос о готовности и способности не передавать знания о новом школьном предмете, а быть носителем опыта душевно-духовной культуры.

На каком предмете, на каком уроке учитель говорит о душе?

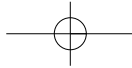
Душа — имя существительное. Она есть! И никто с этим не спорит. Душа ищет, и страдает, и болит, и радуется. И если ребёнок не понимает, что делается в его собственной душе, если он не имеет опыта «работы» со своими душевными переживаниями и опыта устремления к духу, то рано или поздно это скажется на качестве его внутренней жизни. Учителю не обязательно (и даже противопоказано) «влезать» в душу ребёнка — достаточно «впускать» его в свою, позволять наблюдать её движения, делиться своими переживаниями, выстраивать пространство «общих» переживаний, и тогда возможно чудо, которое и называется «духовное воспитание».

Школе недостаёт понимания, говоря словами В.В. Зеньковского, «радости о человеке, живого ощущения образа Божия в нём, благословения бытию, в нём открывающемуся». Учиться величайшей радости и полноте жизни — трудно. Учиться этому означает постигать двойственность человеческой природы. Человек ведь онтологически существует между двумя полюсами — величайшим достоинством и глубочайшим падением. Помните у Державина: «Я телом в прахе истлеваю, Умом громам повелеваю. Я — царь, я — раб, Я — червь, я — Бог!».

[5 — 18]

Методология
воспитания

24

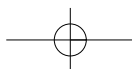
В моей педагогической биографии есть немало интересных событий, ситуаций и сюжетов. Вот одни из них. Пришёл я в класс к подросткам. Веду беседу. Размышляю вместе с детьми о сути нравственных или безнравственных поступков, о добре и зле, о важности преодоления в себе инстинктов и возвышения к духу. Это не морализаторство, а искренние раздумья о том, как человек может становиться человеком. Передо мной сидели подростки. Вижу среди них мальчика, который как будто хочет о чём-то спросить, но не решается. После урока подхожу к нему: «Ты хотел меня о чём-то спросить?» Отвечает нерешительно: «Да нет». Но после следующего урока Саша подошёл ко мне с просьбой о беседе наедине. Мы уединились. Он признался, что у него сложные проблемы с родителями, что все им недовольны, что ему всё надоело. Мама больше времени уделяет своему младшему сыну. У Александра апатия ко всему. Он даже подумывает свести счёты с жизнью.

Я долго и внимательно его слушал. Просто слушал и не перебивал. Потом спросил: «Так отчего твоё уныние?» — «Я никому не нужен». Я не стал его разубеждать: мол, ты не прав, ты нужен родителям, обществу и т.д. Просто предложил по-иному посмотреть на самую суть человеческой жизни, на проблему «нужности» как необходимую составляющую этой жизни. У нас у всех есть нужда в чём-то. Если я не нужен, ты не нужен, то кто же будет удовлетворять наши нужды? Рассказал я Саше притчу об одном человеке, стоявшем на мосту и желавшем покончить жизнь самоубийством. Мимо шёл прохожий. «Вы хотите покончить с собой?» — спросил он. «Не отговаривайте меня и не мешайте мне», — отрезал тот. А прохожий заявил, что вовсе не собирается его отговаривать, а просто советует перед смертью пойти в бедный квартал и отдать свои деньги нуждающимся. Мол, тебе они всё равно теперь не нужны. Молодой человек нашёл совет разумным и пошёл в бедный квартал. Когда он раздал все свои деньги, то почувствовал огромную тягу к жизни. Можно страдать по поводу того, что ты никому не нужен, а можно самому идти к нуждающимся в тебе. И это уже другой ракурс видения своих проблем. С Сашей мы пришли к выводу, что самое разумное в его ситуации — это не ждать внимания от мамы, а предложить ей помощь, облегчить её труд. Потом мы встречались с ним, и он рассказывал, как изменились его взаимоотношения с родителями, со сверстниками и отношение к себе. Признался: жизнь стала интересной.

Школа — не то место, где надо исповедоваться

Учитель, к сожалению, не знает многих тайн бунта души ребёнка. А исповедоваться, или, точнее, «по-ведать» мудрому собеседнику о своём насущном растущий человек очень хочет. Нашим детям недостаёт духовного общения. Они нуждаются в мудром взрослом. Они ждут его, его взгляда, который примет, поймёт и простит. К сожалению, многие школьные психологи заняты больше диагностикой, а не психологическим консультированием. А если консультируют, то часто в рамках «объяснительной», а не «понимающей» психологии. Нужен более широкий контекст видения человека. Наши дети учатся жить и часто натываются на сплошные ограничители и осуждения: то не делай, это не трогай, туда не ходи и вообще ты несовершенно, давай я тебя «подправлю». Получается, что они теряются в этом многообразии правил взрослой жизни и теряют самих себя.

Способен ли школьный урок научить детей разумной практике поступков? Нужно то «прикладное учение», которое лежит в основе «подлинно чело-

КОНЦЕПЦИИ И СИСТЕМЫ

веческой» культуры. Эта культура не просто даёт представления о величии и ничтожестве, о любви и ненависти, о мудрости и глупости и о многом другом, а показывает пути к человекообразной, к праведной, если хотите, жизни. Мои уроки в младших классах — игровые ситуации, в которых мы с детьми проживаем опыт самопознания и взаимодействия с другими. И эти игры рождаются самой жизнью. Знакомясь с новым классом, я знаю, что шаг за шагом буду вместе с детьми расширять наше общение и вживаться в смыслы. Таких слов, которые требуют совместного поиска «главного» смысла, будет много: Бог, человек, совесть, сердце, икона, мир, молитва, родители, завет, космос, красота, добро, свет, жизнь, благовестие, колокол, любовь, чистота, святость, совершенство, ум, душа, спасение, сострадание и другие. Но все эти слова есть лишь коммуникативное средство для осознания ребёнком самого себя, для познания мира, для открытия в себе духовной жизни. Заметим, что все эти и многие другие слова ученики обычно изучают «объектно», с точки зрения того или иного учебного предмета, вне контекста своей собственной жизни. Тогда и слова, и сама речь становятся абстракцией. Получается: не вдумавшись, например, в слово «красота», личность не способна заметить подлинную красоту в своей жизни.

Педагогу важно не впасть в риторику и не «заговорить» словами дело

Об этом предупреждал известный педагог В.В. Зеньковский: школа должна оберегать детскую душу от риторики, от превращения великих тем жизни в темы научного и эстетического или морализующего отношения. Для меня как для педагога важно общение с детьми на уроке, выстраивание совместных действий. Таких, например, как посадка и уход за ёлочками, как совместное обустройство школьного кабинета, как помощь старикам. Мы также придумываем игры, которые становятся жизнедействием. Я заметил, что дети приносят в школу свои любимые игрушки и решил однажды на урок принести свою любимую игрушку. Это был львёнок. Мы его назвали Лев-умник. Он и помог нам выстроить урок. Мы учились задавать ему вопросы. Но это не просто из серии о культуре поведения. Это о культуре бытия. Главное тут — не заучивать красивые фразы, а учиться вопрошать. Дети учились задавать вопросы Львёнку и вслух, и «на ушко». И это была ситуация их уникального опыта самопонимания, понимания жизни, видения того, как слушает тебя другой. Они, как могли, учились осознавать, что вообще означает само слушание и вопрошание как процессы внутренней жизни.

Переживания опыта постижения гуманитарной культуры — это встреча с людьми как носителями своей уникальной культуры. У нас на уроках нередко присутствуют гости (мы их приглашаем). И детям предоставляется возможность организовать прямо на уроке пресс-конференцию. Вопросы гостям (а среди них были директор школы, художник, преподаватель университета и другие) младшие школьники задают, например, такие: «Чем вы увлекаетесь?», «Хотели бы Вы что-то изменить в своей жизни?», «В каких странах Вы были?», «Любите ли Вы животных?» и другие. Я видел, как дети внутренне преображались, переживая свою причастность к «взрослой» форме общения.

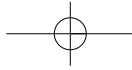
Различать «психологию психики» и «психологию человека»

Сколько бы мы ни узнавали про «вообще» какие-либо человеческие способности, мы их не приобретём, пока не будем ими заниматься практически. И сего-

[5 — 18]

Методология
воспитания

26

дня школа должна уходить от знаний самих по себе, от изучения предмета вне контекста практики жизнедеятельности личности. Это новый уровень педагогической методологии, когда в центре внимания учителя и детей стоят не столько законы предмета, сколько законы развития конкретной личности в условиях приобщения к культуре. Таким образом, насущный вопрос воспитания — это вопрос не о новой его идеологии, а о новых способах гуманитарно-антропологической педагогики.

Сегодня мы являемся свидетелями интересной дискуссии о возможности введения православной культуры в образовательное пространство общеобразовательной школы. Подписанный договор о сотрудничестве в области образования между Министерством образования Российской Федерации и Русской Православной Церковью, указ министерства о факультативном преподавании основ православной культуры, на мой взгляд, не решил проблемы, а лишь подлил масла в огонь дискуссии. Для некоторых учителей и родителей сама мысль о возможности преподавания в школе нового предмета кажется крамольной. Ссылаясь на своё видение православия, они утверждают, что оно подавляет человека, отнимает у него свободу, не даёт раскрыться и прийти к своему осуществлению. К сожалению, атеистический диктат оставил свой след в общественном сознании: попораны смыслы, потеряны ориентиры, забыты традиции. Православие стало «неизвестной религией».

Существует, вероятно, неосознаваемый страх потерять свободу. А многим кажется, что религия, церковь посягают на эту самую свободу. Уровень сознания многих не позволяет подняться до понимания взаимосвязи свободы и зависимости как важных составляющих бытия. Убегая от чего-то одного (порой очень важного), такой человек попадает под зависимость от другого (разрушающего его сущность). И всё-таки опасения родителей и учителей по поводу нового предмета, на мой взгляд, имеют основание. Как бы не наломать в очередной раз дров. Мы же знаем печальный опыт неразумного перекраивания содержания образования.

В педагогике назрела необходимость интеграции разных знаний. Требуется более «точное» соединение теории и практики. Необходимо преодолеть рутинность и ограниченность в системе школьного воспитания. Наверное, всем нам — и учителям, и родителям, и детям, и всему нашему обществу — нужно учиться пониманию языка разных культур, разных видов духовного опыта. Интересно заметить, что педагоги, чьё сознание попало в перекрёсток разных педагогических концепций и научных направлений, могут думать иначе — «узкопредметно». Увлечённые гуманистическими идеями, они путают наличное Я человека и его духовное Я. Они «гуманистически» потакают самости ученика, не отделяя человека от его поступка. И оказывается трудным принимать человека, видеть в нём «подобие Божье», не принимая его неприглядный поступок. Для таких учителей самость — это великолепный результат их деятельности. Таковы основы их «социальной педагогики». Гуманитарная культура, антропология, духовная практика человечества позволяют видеть человека шире, и самость, в данном случае, всего лишь инструмент, с помощью которого человек приходит к своей подлинности («человеческому в человеке»). Ведь главная задача воспитания (самовоспитания) — преодолеть эгоцентризм и выйти на со-бытийный, диалогический, сотворческий уровень общения с миром.

